

Научная статья

УДК 801.73; 811.16,3.1

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-3-5-13

«Слабое звено» в церковнославянской грамматике: причастия

Леонид Григорьевич Панин

Новосибирский областной фонд сохранения и развития русского языка «Родное слово»

Новосибирск, Россия

leonid.panin.00@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся результаты лингвотекстологического наблюдения нескольких церковнославянских списков XI–XII вв. Евангелия. Не все списки, отражающие ранний перевод греческого памятника, являются непосредственно родственными, представляя разные редакции текста и свидетельствуя об обращении к разным греческим спискам. Анализ соотносительных грамматических форм свидетельствует об определенных изменениях в языковой системе церковнославянского языка. Предметом изучения являются формы причастия, одни из самых «книжных» форм в грамматической системе русского языка. Неустойчивость этих форм в церковнославянских и русских текстах, обычно связываемая с достаточно поздним периодом развития русской письменности, оказывается мотивированной уже древнейшими рукописями. Особый интерес вызывают памятники, представляющие собой перевод с греческого, особенно такие, которые на славяно-русской почве дают свидетельства неоднократного обращения к греческому тексту.

Ключевые слова

церковнославянский язык, грамматическая система, морфологические разночтения в списках, причастия, ранние списки Евангелия

Для цитирования

Панин Л. Г. «Слабое звено» в церковнославянской грамматике: причастия // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 3. С. 5–13. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-3-5-13

The «Weak link» in Church Slavonic grammar: the participles

Leonid G. Panin

The Novosibirsk Oblast Foundation “Native word” for Russian language preservation and development,

Novosibirsk, Russian Federation

leonid.panin.00@mail.ru

Abstract

The article presents the results of linguatextual observations on several Church Slavonic copies of the Gospel from the 11th–12th centuries. Not all the copies documenting the early translation of the Greek manuscript are directly related; they represent different editions of the text and testify to the use of different Greek copies. The analysis of correlative grammatical forms shows certain changes in the language system of the Church Slavonic language. The subject of the study in this case is the participial forms, some of the most “bookish” ones in the grammatical system of the Russian language, a definitive heritage of the Church Slavonic tradition in our language. The instability of these forms in Church Slavonic and Russian texts, usually associated with a considerably late period in the development of Russian writing,

© Панин Л. Г., 2025

turns out to be motivated by the most ancient manuscripts. Of particular interest are manuscripts that represent translations from Greek, especially those that, on Slavic-Russian ground, provide evidence of repeated references to the Greek text.

Church Slavonic texts are of exceptional interest to the history of the Russian literary language. Church Slavonic manuscripts of the Old Russian period (from the end of the 14th to the beginning of the 15th century) deserve unconditional attention, since this was the time of transition from Old Russian bookishness to the literature of the new time, which subsequently formed a national language as a result of convergence with business writing. And, perhaps, the main thing that this century (if we designate this period of time as a century) did with the Russian language is that it provided the verbal culture with the transition from the language-text (which the Church Slavonic language was and remains) to the literary language and prepared the further perception of spoken speech as an object worthy of special attention.

The fate of participles, a vivid manifestation of bookish speech culture, in literary and colloquial language is of exceptional interest, but their written history begins with the first (early Church Slavonic) manuscripts, and this must be taken into account.

Initial provisions of this study: firstly, the exceptional importance of translated manuscripts for the history of Russian literature. Church Slavonic, which arose as a calque-language from Greek, continued to expand its book (and therefore language) collection largely through written sources of Byzantine origin; secondly, the presumption of a Greek text (since most translations were made from Greek originals). The concept and the term presumption (an assumption that is considered true until the falsity of such an assumption is indisputably proven) are widely used not only in jurisprudence, but also in natural sciences. In this case, we address the Greek copies as a possible source of discrepancies in Church Slavonic copies of the Gospel.

The most important source of the development of the Russian literary language was and still is text of the Gospel; it underwent several editions on Slavic basis. For Church Slavonic literature (and later for Russian literature) this was at first a life-organizing, and then a life-forming factor of existence and development. It is in the "lexical environment" of the Church Slavonic Gospel that one should look for the sources of the richest synonymic system of the Russian literary language, and not so much, perhaps, as the fact of the very presence of different lexemes (different Greek translated words or presented by different regional language environments), but as the fact of the very possibility of a diverse verbal presentation of a clear and unambiguous in its definition content. It is obvious that the "grammatical environment" of the Gospel also determined the grammar of the Church Slavonic language as a whole, and the "movements" that occurred in this grammar throughout its entire length were motivated by its original state already in the most ancient manuscripts.

Keywords

Church Slavonic language, grammatical system, morphological differences in the manuscripts, participles, early Gospel manuscripts

For citation

Panin L. G. The «Weak link» in Church Slavonic grammar: the participles. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 3, pp. 5–13. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-3-5-13

Введение

Церковнославянские тексты представляют собой исключительный интерес для истории русского литературного языка. Безусловное внимание заслуживают церковнославянские рукописи старорусского периода (начиная с конца XIV – начала XV в.), поскольку это было время перехода от древнерусской книжности к словесности нового времени, впоследствии сформировавшей национальный язык в результате сближения с деловой письменностью. И, может быть, главное, что сделал этот век (условно обозначая это время как век) с русским языком, это то, что он обеспечил словесной культуре переход от языка-текста (каким был и остается церковнославянский язык) к литературному языку и подготовил в дальнейшем восприятие звучащей речи как предмета, достойного особого внимания. Судьба причастий, яркого проявления книжной речевой культуры, в литературном и разговорном языке представляет исключительный интерес, но письменная история причастий начинается с первых (ранних церковнославянских) памятников, и это надо учитывать.

Материалом исследования послужили свидетельства ранних церковнославянских списков Евангелия: Мариинского (сокращенно *Марн*¹), Зографского (*Згрф*), Ассеманиева (*Ас*)

¹ Сокращения обозначений списков Евангелия были предложены Л. П. Жуковской в ее фундаментальном лингвотекстологическом исследовании [Жуковская, 1968; 1976]: четырьмя буквами обозначаются тетради, тремя –

и Друзкого (*Дрц*; цит. по: [Друзкое Евангелие, 1968]), хотя последний список середины XIV в., но он представляет, по мнению автора, весьма точно протограф середины XI в. Дополнительно используются данные еще двух ранних списков Евангелия – Мстиславова (*Мст*; цит. по: [Апракос Мстислава Великого, 1983]) и Архангельского (*Ар(х)*; цит. по: [Архангельское Евангелие..., 1997]). Обращение к этим спискам обусловлены многолетним интересом автора к составу чтений и языку Друзкого Евангелия, выяснением места этого списка в кругу славяно-русских рукописных Евангелий.

Есть еще одна причина обращения к теме раннего свидетельства причастных форм в церковнославянском языке. Исследованные в рамках лингвистической текстологии списки XV–XVI вв. памятников (в значительной степени переводных с греческого) из состава Минейного Торжественника дают любопытные примеры «поведения» причастных форм, интерпретация которых (примеров) является весьма актуальной для выяснения судьбы причастий в русском языке. Но опыт изучения нашего рукописного наследия говорит о необходимости изучать это «поведение», начиная с самых древних письменных источников.

В связи с этим могу отметить, что материалы предлагаемой статьи не являются ответом на вопрос, что представляло собой церковнославянское причастие в древности, обозначен лишь наметившийся вектор исследования этой интересной и весьма загадочной в истории русской письменности и русского языка (*русской книжности* !) формы.

Исходные положения исследования: *во-первых*, исключительная важность переводных памятников для истории русской словесности. Церковнославянский язык, возникший как язык-калька с греческого языка, в дальнейшем пополнял свой книжный (следовательно, и языковой) фонд во многом за счет письменных источников византийского происхождения; *во-вторых*, презумпция греческого (поскольку большинство переводных памятников было выполнено с греческих оригиналов) текста². Понятие и термин *презумпция* (предположение, которое считается истинным до тех пор, пока ложность такого предположения не будет бесспорно доказана) широко используется не только в юриспруденции, но и в естественных науках, во втором случае – зачастую неявно [Панин, 2021]. В нашем случае – это обращение к греческим спискам как возможному источнику появления разночтений в церковнославянских списках Евангелия.

Причастие будущего времени в предыстории славянских языков как показатель слабого положения формы. В качестве «слабого звена» морфологической системы славянское причастие можно квалифицировать уже в праславянский период. Яркое свидетельство – утрата этой системой форм причастий будущего времени. А. Вайан пишет: «Единственный след причастия будущего времени – это форма *бышаит* – от *быти*, которую сохраняют в довольно большом количестве примеры тексты русской редакции, но старославянского происхождения» [Вайан, 1952. С. 277] и приводит цитаты из словаря И. И. Срезневского. У Срезневского в словаре находим: *възвѣстую тебѣ бышаща* (τὰ ἐσόμενα) *Дан. VIII, 19* – Книга пророка Даниила с толкованиями Упыря Лихого по сп. XV в., скопированному с рукописи 1047 г.; *не бышащи водѣ* (ἀπὸ τοῦ μῆγεῖναι ὕδωρ) – Ис. L, 2 – аналогичный текст из Книги пророка Исаии; *мнѣ дажѣ нынѣшнѣю . а б(ог)оу бышащитею* *Изб. 1073 г. 152* и др. [Евангелие от Иоанна..., 1998. Ст. 209], см. также [Miklosich, 1862–1865. S. 51]. Данное причастие интересно тем, что эта форма – свидетельство о былом существовании в праславянском языке форм будущего сигматического, хорошо сохранившегося в древнегреческом и санскрите, слабо представленного латинским глаголом, в старославянском же языке вообще единственной реликтовой формой [Тимофеев, 2007. С. 145].

полные апракосы, двумя – краткие. Сокращение *Ар(х)* указывает на то, что часть рукописи (в данном случае первая – до чтений Великого поста) является кратким апракосом, последующая – полным.

² Искренне благодарен кандидату филологических наук, доценту Н. Г. Нечипуренко, которая, будучи дипломированным специалистом по классической филологии и занимаясь терминами латинской юриспруденции (см. [Нечипуренко и др., 2022]), благословила меня на использование этого термина в лингвотекстологическом исследовании переводных с греческого церковнославянских памятников.

Что касается замечания А. Вайана о том, что от глагола *быти* «причастие будущего времени выражается или причастием настоящего времени совершенного вида: *бжджит-*, или же описательным оборотом» [Вайан, 1952], то оно не бесспорно. Может быть, основу *бжджит-* и можно связывать с настоящим временем и совершенным видом, но оправдано это, видимо, лишь для грамматически трансформировавшейся в (древне)русском языке формы *будучи*, тогда как сама основа формы будущего времени *бждж* и своей грамматической семантикой, и своим образованием отличается от форм типа *ръшиж*: «Специфика ее в том, что она не имеет определенного видового значения и отличается этим от глаголов типа *ръшиж*. Значение будущего времени, вероятно, связано с употреблением в корне инфикса **-n-*, внесившего первоначально начинательный оттенок: **bhū-n-d-o* → *бждж*» [Тимофеев, 2007. С. 145].

О формах причастия в ранних славяно-русских списках Евангелия. В действительности это разрозненные (не специальные) наблюдения автора, связанные с тридцатилетним увлечением (может быть, даже более) Друцким Евангелием середины XIV в. Наблюдения эти отражают мой двоякий интерес к языку ранних переводов Евангелия: с одной стороны, это сравнительные (сопоставительные) штудии отражения особенностей древнего перевода (в более точной терминологии проф. А. А. Алексеева – *Древнего текста* Славянского Евангелия [Евангелие от Иоанна..., 1998. С. 7–37]) в рамках учебного курса старославянского (раннего периода церковнославянского) языка; с другой – это интерес к связям текста Друцкого Евангелия с Древним текстом, который, как принято считать, лучше всего представляет Мариинское Евангелие [Там же]. Первый интерес ограничивается просто замечаниями, возникшими по ходу чтения списков памятника, второй отражает уже анализ соответствий. Но и то и другое считаю важным при характеристике дальнейшего развития языковой системы церковнославянского (и древнерусского литературного) языка XV в., да и последующего времени.

Первое замечание о причастиях в ранних списках Евангелия. Замены финитной формы глагола причастием известны уже древнейшим церковнославянским спискам Евангелия. Так, чтению *Мф 25 24* «*κύριε, ἔγνων σε ὅτι σκληρὸς εἶ ἄνθρωπος, θερίζων (прич. θερίζω) ὅπου οὐκ ἔσπειρας (аор. σπείρω) καὶ συνάγων (прич. συνάγω) ὅθεν οὐ διεσκόρπισας (аор. διασκόρπιζω)*» в Петровско-Елизаветинском тексте Библии соответствует логически обоснованное для XVIII в. противопоставление форм настоящего узуального формам перфекта: *господи, вѣдахъ тѧ, яко жестокъ еси человекъ, жнеши идѣже не сѣялъ еси, и собираеши идѣже не расточилъ еси*.

В древнем славянском переводе в Ассеманиевом Евангелии XI–XII вв. передача противопоставленных греческих форм причастия и аориста представлена противопоставлением форм причастия и перфекта, ср.: *г(оспод)и вѣдѧхъ тѧ . ꙗко жестокъ еси ч(е)л(овѣ)къ . жьнѧ . иде же нѣси сѣялъ . и събираѧ ѡдоу же нѣси расточилъ*. Но в других списках XI в. (в Мариинском Евангелии и Зографском Евангелии) на месте последней формы имперфекта находим причастие: *г(оспод)и . вѣдѧхъ тѧ ꙗко жестокъ еси ч(е)л(овѣ)къ . жьнѧ иде же нѣси сѣялъ и събираѧ ѡдоу же не расточъ* (Марн), *г(оспод)и . вѣдѧхъ тѧ ꙗко жестокъ еси ч(е)л(овѣ)къ . жьнѧ иде же нѣси сѣялъ . и събираѧ ѡдоу же не расточивъ* (Згрф). О других вариантах этого чтения в древних славянских списках Евангелия см. [Евангелие от Матфея..., 2005. С. 138]. Очевидно, что эти разночтения не связаны с употреблением разных глагольных форм в греческих списках, где отмечено только *διεσκόρπισας* [Nestle–Aland..., 1993. S. 73].

Особого внимания заслуживает передача этого текста в ранних русских списках Евангелия-апракос, где 25-я глава Евангелия от Матфея помещается дважды – полностью она представлена на литургии вторника Страстной седмицы и «разбитой» на три чтения в разные дни по Пятидесятнице и накануне Великого поста (*нд 16 Пт*; *сб 17 Пт*; *нд мясоп*).

В Ар(х) соответствующие листы чтения *вт лит Стрс* не сохранились, чтения *сб 17 Пт* не было изначально (см. [Вайан, 1952. С. 210–211, 401]), а в *нд мясоп* из этого Евангелия читался отрывок *Мф 25 31–46*. Поэтому стих *Мф 25 24* представлен только чтением в *нд 16 Пт*: *пристѣжи же приими юдинъ талантъ . и рече г(оспод)и . вѣдахъ тѧ яко жестокъ еси ч(е)л(о)в(ѣ)къ . жьнеши иде же не сѣявъ . и събираеши иде же не расточивъ* (л. 48 об.).

Завершение соответствующего стиха в Мст: *нд 16 Пт: жьнѣ иде же нѣси съяль . и събирая оуду же не расточивъ* (л. 67а); *вт лит Стрс: жьнеши юго же не съявь . и събираеши оуду же не расточивъ* (л. 137б).

Очевидно, что перевод стиха в Ас является грамматически более близким греческому тексту, далее идет перевод в Марн (с заменой последней формы на *расточъ*), Згрф и *нд 16 Пт Мст* (с одинаковой заменой последней формы на *расточивъ*), текст в *нд 16 Пт Ар(х)* и *вт лит Стрс Мст* представляет особую редактуру с заменой обеих исходных причастных форм на формы настоящего узуального: *жьнеши* и *събираеши*.

Второе замечание о причастиях в ранних списках Евангелия. Это сравнение причастных форм и их соответствий в двух списках Евангелия – Друцком и Мариинском. В ходе подготовки к изданию Друцкого Евангелия в качестве исходной установки была принята ориентация на сравнение с Древним текстом (Марн), и в тех случаях, когда Дрц и Марн дают разные чтения (разные формы, слова, конструкции и т. п.), учитывается Греческий текст по изданию Нестле-Аланда (см. [Nestle–Aland..., 1993]). Этих разночтений, видимо, более тысячи, но среди них особый интерес вызывают такие, которые дают основания считать, что переводы данных двух списков можно связать с различиями (разночтениями) в греческой рукописной традиции Евангелия. Этот материал, относящийся к теме статьи, приводится ниже, хотя он, безусловно, достоин своего, специального исследования, но здесь он важен как свидетельство мотивированности разного «поведения» славянских причастий греческим текстом и одновременно как показатель особого положения причастия в системе глагольных форм, как мотивация дальнейшего развития этих форм в русском языке. Здесь стоит обратить особое внимание на идеи А. А. Потебни о постепенном «оглаголиваннии» языка, именно в «русле» этой грамматической тенденции происходит развитие славянского причастия, ибо появление деепричастий в русском языке – безусловное свидетельство движения части причастных форм по направлению к ядру «глагольности» – к финитным формам. «Не отягощенное морфологическими личными показателями, абсолютизовавшее свою временную относительность, модально ориентированное на главное действие, настойчиво развивающее связь с логическим деятелем, деепричастие становится некоторым новым глагольно-личным состоянием» [Панин, 2007. С. 102].

При цитировании исходным текстом избирается Дрц, а данные Марн приводятся в качестве сравнения. В статье материал классифицируется по типам соотношения форм.

Форма аориста – форма причастия: *М. XV 1 ср мясоп: свѣтъ створишиа* (Марн: *сътворише*; греч.: ποιῶντες, но в списках D, Θ, 565, 2542^s: ἐποίησαν, см. также: *старишины жертьчьскы** (115в)³. При всем соответствии славянских и греческих противопоставлений следует обратить внимание на близость звучания глагольных форм в славянских списках, которая вполне могла «мотивировать» славянское разночтение. То, что звуковая близость соответствующих морфологических форм могла послужить причиной их взаимозамены, следует из подобных соотношений однокоренных славянских форм, которым в греческих списках соответствуют формы разных глаголов. Ср.: *М. XII 28 ср 17 Пт: видѣхъ* (Марн: *видѣвъ*; греч.: ἰδών, но в списках ℵ², A, B, 33, ℳ: εἰδώς) *яко добръ ѿвѣща имъ* (67а); тот же стих и в чтении

³ Цитирование примера начинается с отсылки к соответствующему месту в Евангелии (евангелист, номер соответствующих главы и стиха), далее следует сокращенное обозначение назначения чтения Дрц (отсылка к дню седмицы с указанием номера этой седмицы в соответствующей части подвижного церковного годового цикла [см. список сокращений в конце статьи] или отсылка к дате месяцеслова). Сведение о листе цитируемого отрывка в Дрц дается в конце цитаты. Разночтения с Марн и информация о чтениях в греческих списках даны в круглых скобках после соответствующей лексемы или лексем (в этом последнем случае цифрами указывается количество ближайших предшествующих слов, различия с которыми приводятся при сопоставлении). Сокращенные обозначения греческих списков указываются по изданию. Звездочка после слова в цитате из Дрц свидетельствует о том, что в Марн отмечено иное слово- или формоупотребление, но эти различия с Дрц не мотивированы разночтениями в греческих списках (судя по данным 27-го издания Нового Завета Нестле-Аланда), поэтому для данного исследования не представляют первоочередного интереса. Сказанное не относится к обозначениям ℵ*, В* и под. в перечислении греческих списков.

нового лета: **М. XII 28 ср 16 нл:** *видѣхъ* (Марн: *видѣвъ*; греч.: ἰδών, но в списках №², А, В, 33, №: εἰδώς) *яко добръ ѿвѣща имъ* (108а). В греческих списках этому соответствует противопоставление причастий аориста от ὀράω и перфекта от οἶδα.

Форма настоящего времени – форма причастия: **Л. XIX 22 нл 10 нл:** *ч(е)л(о)в(ѣ)къ яръ юсмь . вземлю же* (1–2 = Марн: *вземля*; греч.: αἶρων, но в списках D, 579, 892 и др.: αἶρω) *юго же не положивъ* и жну* (Марн: *жънѣ*; греч.: θεριζών, но в списках D, 579, 892 и др.: θεριζω) *юго же не стѣвъ** (946). Вне греческих отсылок противопоставления типа *вземльж – вземля, жънж – жънѣ* вполне могли быть объяснены смешением носовых звуков⁴, но греческий материал свидетельствует о греческой «базе» подобных разночтений, и исходя из тезиса о презумпции греческого текста, мы обязаны обратить внимание на греческий текст. Ср. также: **Л. XIII 15 нд 10 нл:** *г(о)с(под)ъ к нему* рече личемъри когождо* васъ в субботу* не ѿрѣшаѣт ли вола своего* и* осла* и ведетъ* (Марн: *ведѣ*; греч.: ἐπαγαγών, но в списках №*, В*, Θ и др.: ἀπάγων) *напаятъ* (95а).

Форма повелительного наклонения – форма причастия: **Л. XIX 5 нд 15 нл:** *възрѣвъ i(u) с(у)сѣ видѣ и* реч(е) юму* закѣхъю* потици* (Марн: *потѣштвавъ*; греч.: σπεύσας, но в списке D: σπεύσων) *сѣ слѣзи* (107а).

Форма причастия страдательного залога – форма аориста: **Мф. XXII 4 нд 14 Пт:** *се обѣдъ мои оуготованъ* (Марн: *оуготовахъ*; греч.: ἡτοίμακα, но в списках С³, W, Θ и др.: ἡτοίμασα, а в списке 238: ἡτοίμασται) (606).

Форма причастия прошедшего времени – форма аориста: **И. XVII 1 Стрс ев 1:** *възведеъ* (Марн: *възведе*; греч.: ἐπάρας, но в списках А, С³, К, N, G, D, Y, 0250, 209, 700, 1 844: ἔπηρεν) *очи свои на н(е)бо и реч(е) . о(т)че приде година прослави с(ы)на своего да* с(ы)нъ твои прославить тѣ* (146г); **Л. XVIII 16 ср 10 нл:** *i(u)с(у)сѣ же призвавъ* (Марн: *призва*; греч.: προσεκαλέσατο, но в списках D, f¹ и др.: προσεκαλεῖτο, а в списках А, W, Q, Y, 078, (f¹³), П и др.: προσκαλεσάμενος) *я реч(е)* (Марн: *зл(агол)а*; греч.: λέγων, но в списках А, W, Q, Y, 078, (f¹³), П и др.: εἶπεν) *не дѣйте дѣтии приходити ко мнѣ и не браните имъ* (936); последнее в данном примере разночтение является также лексическим: вряд ли это мог быть перевод εἶπεν разными славянскими словами в разных списках: *глагола* и *рече*, вполне возможно, что *глагола* в Древнем тексте является трансформированной формой первоначального славянского причастия *глагола*, передающего λέγων; **М. III 33 25 июля:** *и ѿвѣщаваъ* (1–2 = Марн: *отѣвѣшта*; греч.: ἀποκρίθεις, но в списках А, D, W, Q, f^{1,13}, 28, 33, 700, 2542, П: ἀπεκρίθη) *имъ гл(агол)я* (180г); **Л. XIII 15 нд 10 нл:** *ѿвѣщаваъ же* (1–2 = Марн: *отѣвѣшта*; греч.: ἀπεκρίθη δέ, но в списке М⁴⁵, 1424: ἀπεκρίθεις δέ) *г(о)с(под)ъ к нему* рече личемъри когождо* васъ в субботу* не ѿрѣшаѣт ли вола своего* и* осла* и ведетъ* (Марн: *ведѣ*; греч.: ἐπαγαγών, но в списках №*, В*, Θ и др.: ἀπάγων) *напаятъ* (95а).

Очевидно, что подобные противопоставления на славянской почве могли возникать и без греческой мотивации, в результате созвучия соответствующих церковнославянских форм, хотя заявленный выше тезис о презумпции греческого текста все-таки побуждает обращать внимание на оригинал перевода. Ср.: **Мф. XXVII 11 Стрс ев 5:** *i(u)с(у)сѣ же ставъ* (Марн: *ста*; греч.: ἐστάθη, но в списках А, W, f¹³, П: ἔστη) *пред гѣмономъ** (151а).

«Двойное» различие: форма причастия в сочетании с формой имперфекта – форма описательного будущего: **М. XIV 72 ср мясоп:** *наченъ плакаше сѣ* (1–3 = Марн: *начѣтъ плакати сѣ*; греч.: ἐπιβαλὼν ἔκλαιεν, но в списках D, Θ, 565: ἥρξατο κλαίειν, а в списках №*, С: ἐπιβαλὼν ἔκλαυσεν) (115в).

И, наконец, различия самих причастных форм:

⁴ Уже ранние рукописи дают свидетельства неустойчивого положения носовых в системе вокализма старославянского языка, что было связано с начальным процессом деназализации этих звуков (см. [Вайан, 1952. С. 56–59; Ван-Бейк, 1957. С. 203–213]).

Причастие прошедшего времени – причастие настоящего времени:

Дважды отмеченному противопоставлению *видѣвъ – вѣды* в греческих списках соответствует противопоставление причастий аориста (ιδών) и перфекта (εἰδώς), но от разных глаголов, поэтому данное различие следует отнести к группе лексических.

Причастие настоящего времени – причастие прошедшего времени: М. VI 2 *вт 15 Пт:* и мнозѣ слышаще (Марн: слышавъше; греч.: ἀκούοντες, но в списках D, L, Δ, Θ и др.: ἀκούσαντες) (61a).

Различия в роде причастных форм: Мф. XVI 19 29 *июн лит:* и дамъ тебе ключа* *ц(еса)рствия небеснаго**. и *юго же* (1–2 = Марн: *еже*; [греч.: ὁ ἐὰν δῆσῃς, но в списках Θ, f¹: ὅσα ἂν δῆσας]) *аще свлжжеси на земли будетъ связанъ* (Марн: связано; греч.: δεδεμένον, но в списках Θ, f¹: δεδεμένα) на *н(е)б(е)сѣ**. и *юго же* (1–2 = Марн: *еже*; [греч.: ὁ ἐὰν δῆσῃς, но в списках Θ, f¹: ὅσα ἂν δῆσῃς]) *аще раздрѣшиши на земли будетъ раздрѣшенъ* (Марн: раздрѣшено; греч.: λελυμένον, но в списках Θ, f¹: λελυμένα) на *небесѣхъ* (178в–г). Разнотечения *связанъ – связано, раздрѣшенъ – раздрѣшено* последовательно противопоставляют анализируемые тексты и ориентированы на различные предшествующие местоименные формы *юго же – еже* (см. греч. соответствия).

Различия причастных форм, квалификация которых (форм) на данный момент затруднительна и неоднозначна: различия эти могут связаны как с разницей в синтаксической связи с предшествующими членами предложения, так и с утратой двойственного числа в греческом языке Нового Завета и в древнерусском XIV в. Это в большей степени касается первого примера: Л. XXIV 34 *Воскр ев 5:* гл(агол)ѣ (Марн: гл(агол)ѣшита; греч.: λέγοντας, но в списке D: λέγοντες) *яко въ истину вѣста г(о)с(под)ь** (185в).

Второй пример, возможно, представляют причастные формы, выступающие определением к разным существительным: «капающая капля крови» ~ «капля капающей крови», ср. греч. θρόμβοι αἵματος καταβαίνοντες (~ καταβαίνοντες) ἐπὶ τὴν γῆν: Л. XXII 44 *чт Стрс лит:* *быс(ть) же* (1–2 = Марн: *и бысть*) *потѣ юго яко и капля крови каплющи* (Марн: каплѣшита; греч.: καταβαίνοντες, но в списке №²: καταβαίνοντος) на *землю* (142г).

Исследование различий между Марн и Дрц (как и другими церковнославянскими списками Евангелия) – дело, безусловно, важное, но очевидно, что это дело трудоемкое и дело будущего. В данном случае для автора важно то, что причастия уже в древнейших славянских рукописях представляли собою формы, испытывающие влияние со стороны других глагольных форм, и это было обусловлено как внутренними процессами, так и влиянием разных переводов греческих источников. Для языка, существующего в формате текста, это неизбежно.

Заключение

Важнейшим среди этих источников было Евангелие, которое на славянской почве претерпело несколько редактур (см. [Евангелие от Иоанна..., 1998]) и которое для церковнославянской словесности было вначале *жизнеорганизующим*, а далее *жизнеопределяющим* фактором бытия и развития.

Именно в «лексической среде» церковнославянского Евангелия следует искать истоки богатейшей синонимической системы русского литературного языка, и не столько, может быть, как факт самого присутствия разных лексем (переведенных разных греческих слов или представленных разными региональными языковыми средами), сколько как факт самой возможности многообразного словесного представления четкого и однозначного в своей определенности содержания.

Очевидно, что и «грамматическая среда» Евангелия определяла грамматику церковнославянского языка в целом, а те «движения», которые происходили в этой грамматике на всем ее протяжении, были мотивированы исходным состоянием ее уже в древнейших рукописях.

Сокращения в обозначениях назначения чтений в Евангелиях-апракос

Воскр ев – Воскресное евангелие

вт – вторник

лит – литургия

мясоп – мясопустная седмица

нд – неделя (= воскресенье)

нл – новое лето

Пт – Пятидесятница

пт – пятък (пятница)

ср – среда

Стрс – Страстная седмица

Стрс ев – Страстное евангелие

Список литературы

- Апракос Мстислава Великого; под ред. Л. П. Жуковской. М.: Наука, 1983. 527 с.
- Архангельское Евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / изд. подгот. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М., 1997. 681 с.
- Вайан А.** Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 446 с.
- Ван-Вейк Н.** История старославянского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 368 с.
- Друцкое Евангелие, рукопись первой половины XIV в. Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (см.: Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 9–11).
- Евангелие от Иоанна в славянской традиции; под ред. А. А. Алексеева. СПб, 1998. 82 с.
- Евангелие от Матфея в славянской традиции; под ред. А. А. Алексеева. СПб, 2005. 181 с.
- Жуковская Л. П.** Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 369 с.
- Жуковская Л. П.** Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М.: Наука, 1968. С. 199–332.
- Нечипуренко Н. Г., Чумакова Л. П., Чумаков А. В., Грищенко Е. В.** Словарь юридических терминов и иноязычных выражений студента-юриста; изд. 3-е, испр. и доп. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 60 с.
- Панин Л. Г.** Вопросы морфологии русского языка. Новосибирск, 2007. 2-е изд. 103 с.
- Панин Л. Г.** О лексике повторяющихся чтений в Друцком Евангелии XIV века (на материале Евангелия от Луки) // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. Ч. II. Орел, 2021. С. 120–123.
- Срезневский И. И.** Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. I. 1420 ст. + 49 с. (т. I, ст. 209)
- Тимофеев К. А.** Старославянский язык: учеб. пособие, изд. 2-е, испр. Новосибирск, 2007. 163 с.
- Miklosich F.** Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum. Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865. 1171 S.
- Nestle–Aland. Novum Testamentum Graece. 27. revidierte Auflage. Deutsche Bibelgesellschaft, 1993. 810 S.

References

Aprakos of Mstislav the Great / edited by L. P. Zhukovskaya. Moscow: Nauka, 1983. 527 p. (in Russ.)

- Archangelsk Gospel of 1092: Research. Old Russian Text. Word Indexes / edited by L. P. Zhukovskaya, T. L. Mironova. Moscow, 1997. 681 p. (in Russ.)
- Vaillant, A.** A Guide to the Old Church Slavonic Language. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1952. 446 p. (in Russ.)
- Van Wijk, N.** A History of the Old Church Slavonic Language. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1957. 368 p. (in Russ.)
- The Drutsk Gospel, a manuscript from the first half of the 14th century. State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (see: Tikhomirov, M. N., Description of the Tikhomirov Collection of Manuscripts. Moscow: Nauka, 1968, pp. 9–11). (in Russ.)
- The Gospel of John in the Slavic Tradition; edited by A. A. Alekseev. St. Petersburg, 1998. 82 p. (in Russ.)
- The Gospel of Matthew in the Slavic Tradition; edited by A. A. Alekseev. St. Petersburg, 2005. 181 p. (in Russ.)
- Zhukovskaya, L. P.** Textology and Language of the Oldest Slavic Manuscripts. Moscow, Nauka, 1976, 369 p. (in Russ.)
- Zhukovskaya, L. P.** Typology of the Manuscripts of the Old Russian Complete Aprakos of the 11th - 14th Centuries in Connection with Their Linguistic Study // Old Russian Written Manuscripts: Language and Textology. Moscow, 1968, pp. 199–332. (in Russ.)
- Nechipurenko N. G., Chumakova L. P., Chumakov A. V., Grishchenko E. V.** Dictionary of Legal Terms and Foreign-Language Expressions of a Law Student; 3rd ed., corrected and augmented. Novosibirsk: Manuscript, 2022. 60 p. (in Russ.)
- Panin L. G.** Morphology of the Russian Language. Novosibirsk, 2007. 2nd ed. 103 p. (in Russ.)
- Panin L. G.** On the Vocabulary of Repeated Readings in the 14th-Century Drutsk Gospel (Based on the Gospel of Luke) // Language in the Sphere of Professional Communication: Collection of Proc. of the Int. Scientific and Practical Conf. Part II. Orel, 2021. pp. 120–123. (in Russ.)
- Sreznevsky, I. I.** Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. Moscow, 1958. Vol. I. 1420 p. + 49 p. (in Russ.)
- Timofeev, K. A.** Old Church Slavonic: A Textbook, 2nd ed., corrected. Novosibirsk, 2007. 163 p. (in Russ.)
- Miklosich F.** Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum. Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865. 1171 p.
- Nestle–Aland. Novum Testamentum Graece. 27. revidierte Auflage. Deutsche Bibelgesellschaft, 1993. 810 p.

Информация об авторе

Панин Леонид Григорьевич, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Professor

Статья поступила в редакцию 12.02.2025;

одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 11.04.2025

The article was submitted 12.02.2025;

approved after reviewing 30.03.2025; accepted for publication 11.04.2025